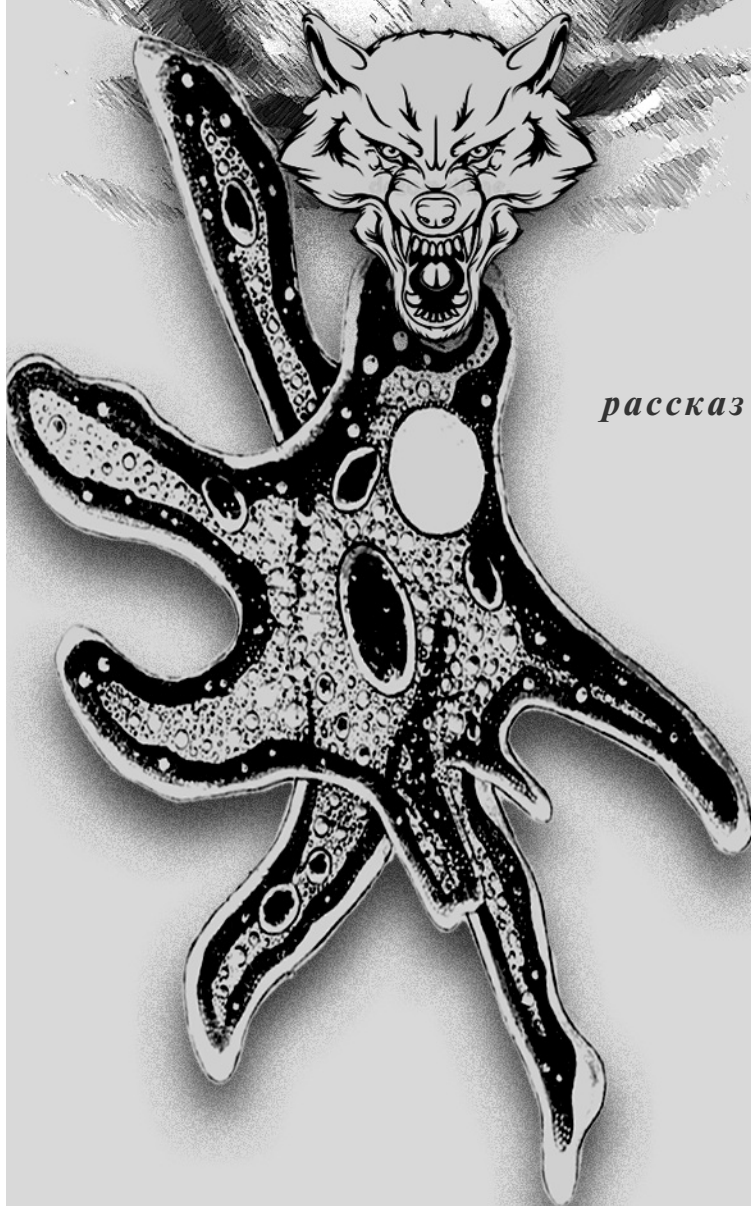

**Игорь
СЕМЁНОВ**

г. Владимир

АМЁБА

рассказ

По низкому серому небу летели рваные снеговые облака. Вьюжило. С одной стороны тамбура сиротливо маячили дома Воркуты, с другой — расстилась унылая тундра. Тоска и холод...

Из снежной мути к моему вагону приближалась сгорбленная фигурка первого пассажира. Вид её вызывал жалость. На горемыке старая легкая куртка, она распахнута на груди, а за спиной мужчины болтался тощий рюкзачок. Подавая билет и измятую справку, он обнажил тыльные стороны ладоней, синие от наколок.

— Освободился, — устало произнёс пассажир.

Его движения были какие-то неуверенные, неуклюжие, даже смешные. Однако желания усмехнуться у меня не возникло: в колючем взгляде пассажира я чувствовал угрозу и злое отчаяние — было в нём что-то отталкивающее. А может, на меня повлияла собственная усталость или скука, или мрачная тундра за окном, или жалость... Не знаю. Но, когда после отправления поезда этот горемыка в третий раз подошёл за кипятком с одним и тем же пакетиком чая, я предложил ему со мной пообедать. У меня были суп, сало. Подумав мгновение, я достал и бутылку водки.

Его звали Дёма. На перроне он мне показался пожилым человеком, а в купе, приглядевшись, я понял: несмотря на сутулость, морщины, ему немногим более тридцати — так молодо смотрели его глаза.

Поначалу мы оба жадно ели. Первая бутылка водки кончилась, я достал вторую. Бывает, что человек по натуре молчалив, замкнут, но вдруг в дороге у него возникает потребность рассказать незнакомому попутчику о своих обидах, пожаловаться на несправедливость. Скорее, это от уверенности, что с этим человеком больше никогда не увидишься. И как же хочется при этом погрузиться в теплую волну сочувствия и ободрения!..

— ...Жизнь какая-то растрепанная, — говорил я Дёме. — Посмотришь на других — зависть берёт. Ночью они спят на мягких кроватях, рядом — жена, дети. Иногда случаются мелкие ссоры, не без того... Зато по праздникам — радости, поездки... Здесь же полка под тобой всегда прыгает, спишь урывками и слышишь ненавистный стук колес. Жена ушла, не выдержав одиночества. Бригадир поезда орёт, будто я школьник... И еще вечное недовольство пассажиров, которые выплёвывают его унизительно барским тоном.

Угрюмо уставившись на меня, Дёма слушал.

— Я такой же амёбой был, — наконец произнёс он, — амёбой, которую все презирали. — Это прозвучало так неожиданно, что я обиженно молчал. — Ты хочешь казаться несчастным, хочешь сочувствия? Чёрта с два! Жалко и убого всё это. Как в волчьих стаях жестоко набрасываются на ослабевших собратьев, так и у людей: другим слабости не прощаются. А жалобами ты показываешь свои слабости. И когда со всех сторон чувствуешь пренебрежение или презрение, поневоле сникнешь... ощутишь себя изгоем. Лишь немногие могут воспрянуть духом!.. взорваться, измениться...

— Ты, конечно, себя относишь к таким? — теперь, досадуя на свою откровенность, зло спросил я.

— Да, меня изменил один день... — начал Дёма долгий рассказ. — Но лучше бы этого дня не было. Десять лет жизни по колено в ледяной жиже, вдыхая угольную пыль... Тяжела плата... В марте всё и началось...

В тот день ранним утром Дёму разбудила мать. За окном выла метель. Схватив пакет с обедом, он выскочил из подъезда. Натоптанных тропинок не было, на остановку бежал по глубокому снегу.

Саид, хозяин лесопилки, где Дёма работал, не прощал опозданий. «Нэ хочэш работат — нэ нада, — говорил он нерадивым рабочим, — за забор вмэстэ тэбэ я дэсят рэбяттов найду», — и штрафовал безбожно, зарплатой не баловал, поэтому этих «дэсят рэбяттов» всегда не хватало.

А Дёма боялся потерять эту работу... работу

подсобника. У Саида место нашёл с трудом, цех находился за городом — в посёлке.

Всё до обидного просто: он не служил в армии. Окончив университет, от курьеров из военкомата скрывался. Думал, пусть служат другие, не для того окончил вуз, чтобы бегать с автоматом. Но, оказалось, в их городе мужчине без военного билета о достойной работе можно лишь мечтать.

— ...А я ведь мог высчитать сопротивление любого материала, но ни разу не видел станок вблизи. В первый же рабочий день меня поставили к точильному станку... Ну, я его и заклинил, — честно признался мне Дёма. — Саид разозлился, проклинал всех «липовых инженеров» и сразу перевел меня в уборщики. Работу эту я ненавидел. Бывало, выпивали с мужиками в цехе, — под стук колёс глухо звучал голос Дёмы. — Я всё сокрушался, что после вуза вынужден работать уборщиком. Свой страх перед армией, конечно, скрывал... Но чего уж, и так было понятно! Так я и прослыл среди мужиков нытиком и размазней. Таких презирают, норовят лишний раз задеть, поиздеваться... А я парень был добродушный, неглупый. Короче, не выдержал, сник, хотя внешне и держался дурачком... шутю. Мне казалось, что так можно вытерпеть эту ненавистную работу. А ведь всего-то и надо было вовремя сказать «нет». Спокойно так, но твердо сказать... — разоткровенничался мой пассажир.

Бетонный амбар, в котором работал Дёма, стоял на краю поселка, — это и был цех. В тот мартовский день, едва успев к началу рабочего дня, он громко постучал в ворота. Открыл пожилой сторож.

— Здорово, — кивнул Степаныч, сразу спросил: — Нет выпить?! — и, не дождавшись ответа: — Жаль.

«Опять с похмелья», — с отвращением подумал Дёма, но отчего-то ему стало тревожно: уловил в глазах Степаныча затаенную злобу. И раньше Дёма ловил на себе его взгляды, от которых становилось не по себе. Степаныч больше других в цехе придирался к нему по мелочам.

А тот рабочий день выдался тяжелым: Дёма разгрузил три лесовоза. И в конце дня еле передвигал ноги, руки не слушались. Вечером Саид выдал зарплату.

Пришел дежурить Степаныч.

— Оставайся на ночь. Выпьем, поговорим. Скучно одному, — предложил он.

— Меня мама ждет, — неуверенно сказал Дёма.

Оставаться не было никакого желания: спать на старых телогрейках, водку покупать на свои деньги...

— А куда ты денешься? Останешься, — приказал Степаныч. — Не дитё малое. Мать подумает, что заночевал у бабы.

— ...Тошно мне стало, — признался мне Дёма, когда я разливал водку. — Степаныч отсидел за убийство — все знали. Того и побаивались его в цехе. Я и поплелся в магазин. Надо было просто уехать в город, но нет же! Всё думал: если откажу Степанычу, как появлюсь завтра в цехе?!

Купив в поселковом магазине две бутылки, Дёма вернулся. Степаныч, разложив на столе картошку в мундире, соленые огурцы, ждал. Под монотонное бормотание телевизора завязался разговор. Интересно и живо Степаныч рассказывал множество историй.

— ... Мне бы надо было просто слушать. А я опять начал жаловаться, — винил себя Дёма.

— Зарплату мне Саид не поднимал, а ведь обещал... «И не поднимет. Саид тебя просто не замечает. Надо уметь требовать своё, но ты боишься, что выгонят, — так Степаныч говорил, затем предложил: — Давай-ка лучше сыграем в карты. Может, к своей и мою зарплату прибавишь».

Это предложение Степаныч сделал таким тоном, что выбора у Дёмы не оставалось. Не успел ответить, а в руках сторожа появилась колода. Карты были краплеными, и вскоре Дёма остался без единого рубля. Как месяц жить без зарплаты? Что матери сказать?

— Снимай цепочку, — приказал Степаныч и добавил вкрадчиво: — Отыграешься.

Тоненькая золотая цепочка была подарком мамы на день рождения. Нехотя Дёма снял цепочку и положил на стол. И снова проиграл. Степаныч протянул руку за цепочкой, но, вконец отчаявшись, Дёма его опередил — накрыл её своей ладонью.

— ...Пойми, я не мог так просто её отдать. Это же подарок! Материн подарок! — объяснял мне Дёма, будто от меня, случайного попутчика, спустя столько лет хоть что-то зависело.

Степаныч рассвирепел:

— В отказняк идешь?

Положив свою лапищу поверх Дёминой ладони, сторож тянул к себе цепочку. А у того вдруг такая решимость возникла: не уступил! Сторож взревел, схватил со стола нож, затем был удар. Противников разделял стол. Дёма смог увернуться. От страха его стало тошнить, он отскочил в угол цеха. Отступая, упёрся лопатками в стену.

— ...Думал, всё, — теперь, отсидев, Дёма даже усмехнулся при этих словах. — Почуял, могильным холодом повеяло в затылок. Руку-то опустил, чуть наклонился, помня, что тут стоял табурет. И правда! Рывком схватил его и стал размахивать им, держа за ножку. И сам не видел, как так случилось... Степаныч вскрикнул, обхватил затылок руками. Ну, я и ударил ещё раз. А сам не соображал, что делаю. Отплевываясь кровью, Степаныч шёл на меня. А я даже плакал: «Степаныч, не убивай!» И вдруг вспомнил: спички в кармане!

Дёма судорожно вырвал из кармана коробок. Достать спичку сразу не удалось, дрожали руки, половину коробка просыпал. Искажённое болью и яростью лицо уже рядом! От спешки спички ломались, но вот одна зажглась. Дёма кинул её на пол. Сухая смолистая стружка, которая ковром устилала пол, вспыхнула, огонь стремительно ширился.

Ощущая пульсирующий жар, Дёма выскочил из цеха, хлопнув металлической дверью, снаружи просунул засов. Изнутри раздался нечеловеческий крик. На ватных ногах в бес-

памятстве Дёма бежал. Падал, вставал, опять бежал и плакал. В кошмарном бреду, спохватившись, что в огне человек, Дёма несколько раз порывался вернуться и открыть дверь, но страх его останавливал.

— ...Не помню, как утром очутился дома, — мой попутчик говорил теперь отрешенно, будто не о себе. — Вытолкал испуганную мать из своей комнаты, рухнул на кровать. Да, убил, но я же не виноват. Так я думал. А в мыслях, как наваждение, Степаныч, заживо горящий. Как ни странно, было и злорадство: я жив, а он прах, — при этих словах на лице Дёмы мелькнуло подобие улыбки. — Пришли за мной на следующий день. И это было начало. Переборов в себе все страхи, я начал жить. Я поверил в себя! Я человек, я всё могу, — теперь говорил он с азартом, вызванным то ли самим этим убеждением, то ли водкой. — А еще я понял, что убить себе подобного не сложно. И так бы я сделал и в десятый, и в сотый раз! — эти слова Дёма выкрикнул яростно и умолк.

В его рассказе были откровенность, честность перед самим собой в том числе, но больше — боли и мстительности.

Я, ошеломленный, молчал, не зная, что ответить попутчику, с которым свела судьба. Пока длится раскаяние — длится вина. Но Дёма не чувствовал раскаяния, а значит, и вины. «Отчаянный горемыка», — думал я, испытывая к нему жалость, но и в то же время какое-то омерзение. Я чувствовал по отношению к своему случайному знакомому что-то мучительно знакомое и вдруг понял, что именно...

Служить мне пришлось на флоте, на сторожевом корабле. Помню, полчища крыс были для нас настоящим кошмаром. Изоляцию электропроводки чинили через день, в трюм спускались с опаской. В монотонном шуме электродвигателей часто слышалось шуршание и писк. Проходя через отсек, порой ноги ступали на мягкое, пружинящее под подошвой, — крысиные трупы.

Кто-то из экипажа принес на корабль ободранную неласковую кошку, однако на следую-

щий же день ее истерзанное тело было обнаружено у переборки.

В наш экипаж с крейсера перевели мичмана Бедусенко. Бегающий взгляд, бессмысленное балагурство и постоянный запах перегара не вызывали сомнений о причине перевода...

Я тогда уже был старослужащим. Как-то раз после вахты мы курили на палубе, когда к нам подошел этот мичман.

— У вас как испанский галеон — ступить некуда, — сказал он. — Или серый мех на шубу растите?

— Боремся, товарищ мичман, — ответил я, — даже кошку заводили. Бесполезно, затерзали ее, а яд этих тварей не берет.

— Вы как дети неразумные! — усмехнулся Бедусенко. — Смирились? Послушайте, топить корабль не нужно, а всего-то необходимо найти металлическую бочку, поместить в нее с десяток крыс, а дальше увидите сами. Только не забывайте, что это не зоопарк, поэтому кормить их не надо и обязательно потом выпустите. — Докурив сигарету, мичман ушел.

— Разыгрывает нас Бедусенко, — убежденно говорил кто-то поблизости. — Зачем ловить, чтобы потом выпустить?! Допился.

— Да и бочку не поставишь: кавторанг на нее наткнется, в нее же тебя запаяет и по морю пустит, — поддержал другой голос.

К нам подошел боцман. Я доложил ему о предложении мичмана, всё еще не принимая его всерьез.

— Вообще, он мужик с головой, — сказал боцман, — наверняка где-то вычитал или услышал. А попробовать стоит. Я знаю, где взять бочку и куда ее поставить, туда сроду ни один офицер не заглядывал — за галюном.

Мы наловили робами десяток крыс и закинули их в бочку. Первое время серые твари противно пищали, затем успокоились. Заглядывая время от времени в нутро бочки, я видел, что они дружелюбно обнюхивали друг друга. О нашем опыте узнали многие из экипажа, за галюном иногда околачивались матросы. Но в бочке ничего примечательного не происходило, я уже подумал было, что нас действительно разыграли. Однако через несколько дней стал слышаться металлический

скрежет — крысы в тоскливой голодной ярости сгрызали краску со стенок. Я заглянул внутрь и, увидев, что в бочке, с холодным ужасом понял всю изощренную сущность нашего опыта, — даже мурашки по коже пошли. Там, в гуще снующих тварей, лежал наполовину съеденный крысиный труп. У крыс чувствовалась какая-то тревога, паника — дружелюбие исчезло. Я брезгливо приказал выкинуть эти останки.

Через день в бочке лежал еще один труп, так же сильно объеденный. И в следующие дни — по трупу. Наконец в бочке остались всего две крысы. Матросы толпились за галюном, они возбужденно спорили, какая же из них?..

Как происходила решающая схватка, никто не видел. А скорее всего, никакой схватки и не было. Просто одна крыса, переступив тонкую грань, вкусила кровавого мяса своих же собратьев и, поправ сущность своего рода, выжила, другая же, оставшаяся верной крысиной природе, став пищей, погибла. Слом произошел, и обычной крысой первая уже не будет, победительница выглядела мерзко и отталкивающе.

Мне было противно при мысли, что я, словно какое-то высшее существо, все сделал для того, чтобы сломать привычное, естественное

и вылепить нужное. А дальше... Известное дело: отчаянными управлять не сложно.

Когда мы швартовались к пирсу, из всех щелей сторожевика в панике лезли крысы и прыгали на сходни. В каком же страхе они находились и как ждали землю!

С той ночи, которую я провел в поезде в компании случайного знакомого, прошло время.

Стояла глухая ночь. Осенний дождь с силой хлестал в окна моей квартиры. Мне не спалось. От этого звука с улицы казалось, что рейс еще не закончен: в ушах до сих пор стоит пульсирующий колесный грохот.

Я смотрел телевизор. Показывали репортаж о серии заказных убийств. Камеру навели на скамью подсудимых, на ней сидел человек. Я узнал равнодушное лицо Дёмы.

□

Игорь Николаевич СЕМЁНОВ

родился в 1976 году в станице Алексеевской

Краснодарского края.

Окончил естественный факультет

Владимирского государственного университета.

На данный момент —

учитель химии, биологии, географии

в школе энецкого поселка Потапово на Таймыре.

Увлекается литературным творчеством,

пишет рассказы, очерки.

В журнале «Север» публикуется впервые.

